

Графъ Алексѣй Н. Толстой.

Все полетѣло кверху ногами.

РАЗСКАЗЪ.

Не сѣвша по деревенской улицѣ, выбирая мѣста потѣнистѣе, шелъ Илья Ильичъ, псаломщикъ.

Знойный день спадалъ, но все еще было больно смотрѣть на бѣлыя хаты, бѣленныя по субботамъ, съ подстриженными соломенными кровлями; высокія старыя акаціи между ними, подсолнухи передъ окнами стояли неподвижно.

Внизу, на болотѣ, видно было, какъ вертѣлось колесо водяной мельницы и двѣ отпряженныя лошади у телѣгъ мотали головами. Налѣво, передъ лѣсами, на голыхъ высокихъ буграхъ уже появились воза, полные пшеничныхъ сноповъ.

Илья Ильичъ остановился и посмотрѣлъ на бугры, откуда медленно сѣзжалъ возъ, кренясь и колыхаясь; лошадей вель мальчикъ; за телѣгой шли старуха, опираясь на вилы, и молодая женщина.

— Посмотримъ, посмотримъ, какъ ваша милость поговорите сегодня,—сказалъ про себя Илья Ильичъ, щура глаза на ту, молоденькую, которая легко шла за возомъ, придерживая вилы, перекинутыя черезъ плечо; черная съ красными цвѣтами короткая юбка на ней, красная съ чернымъ безрукавка и совсѣмъ уже алый платокъ съ длинными концами на затылкѣ, какъ макъ, заливались солнцемъ на спускѣ горы.

Но вотъ дорога повернула внизъ, въ лощину, мальчикъ по-

висъ на мордахъ лошадей, и лошади, снопы, старуха и дѣвушка скрылись, заслоненные кровлями хатъ.

— Ахъ, Боже мой, какое наказанье, фу,—проговорилъ, очнувшись, громко Илья Ильичъ, сунуль руку въ карманъ люстриноваго пальто своего, ощупаль только что полученный на почтѣ свертокъ, покачалъ головой и прямо по солнцепеку повернулъ на пригорокъ, гдѣ стояла школа, въ глубинѣ палисадника.

Въ окошкѣ школы сидѣлъ учитель; онъ былъ растрепанъ, въ очкахъ, съ необыкновенно несуразнымъ носомъ, изъ-за котораго онъ,—по его же словамъ,—такъ и не выбился въ люди, съ одуловатымъ, очень блѣднымъ лицомъ.

Поглядѣвъ на псаломщика, учитель почесалъ бороду и спросилъ:

— Ну, что?

— Получилъ,—отвѣтилъ Илья Ильичъ, сѣлъ на ступеньки крыльца, осторожно распечаталъ свертокъ и вынулъ изъ него пузырекъ съ духами.—Заграничные, елянгъ-елянгъ,—продолжалъ онъ,—а ужъ пахнутъ—прямо смерть. Ахъ, Степа, Степа, до чего же я страдаю черезъ любовь!

— Пустяками занимаешься, вотъ и страдаешь,—сказалъ на это учитель, подперевъ подбородокъ такъ, что изъ-за ладони вѣбникомъ вылезла рыжая его борода.—Мнѣ противно смотрѣть на тебя сейчасъ. Идетъ, братъ ты мой, у насъ война подъ бокомъ, что дѣлается,—уму непостижимо. Да, кабы мнѣ сейчасъ газету достать, вотъ о чемъ забота; а у тебя одна Проська въ головѣ торчитъ и духи. Ужъ не за духи же она тебя полюбитъ въ самомъ дѣлѣ.

— Отчего же, можетъ-быть, за духи; кабы не это, ихъ бы и не выдумали,—отвѣтилъ Илья Ильичъ.

Его лицо, худое, съ небольшими усиками, съ морщинчатыми глазами, стало необыкновенно умильнымъ отъ разныхъ мыслей.

Учитель же продолжалъ глядѣть черезъ окошко на закатъ, багровыми, оранжевыми, зелеными рѣками разлившійся за лѣ-

сомъ. Оттуда, изъ-за лѣсовъ, надвигалось непонятное, невиданное, неотразимое, какъ этотъ небесный пожаръ, то, что учитель не могъ охватить представленіемъ; оттуда медленно, обозначаясь зловѣщими признаками, двигалась война.

Точно передъ грозой стояли все это время жаркіе, тихіе дни, и какъ передъ грозой затихаютъ скотъ и птицы, такъ оставшіеся въ деревнѣ,—бабы, дѣти и старики,—смирно и молча, безъ ссоръ и пѣсенъ, безъ обычнаго веселья и суеты, кончали уборку хлѣба; мужики, уходя въ полки и обозы, просили оставшихся попахать за нихъ, и никто не отказывалъ, никто не бралъ за это платы; уже три воскресенья, какъ церковь и костель полны набирались народомъ; но не было еще писемъ съ войны, никто еще не страшился, потому что никто и не чаялъ, что станется съ деревней, когда изъ лѣсовъ хлынутъ австрійскія войска.

— Ты вотъ все говоришь—любовь, любовь, а безъ нея жить я вѣдь не могу, Степа, безъ Проськи,—проговорилъ Илья Ильичъ, надушивъ пальто, рубашку, волосы и спрятавъ пузырекъ въ карманъ.—Мнѣ сейчасъ хоть все пропадай. Если я Проськи не добыю,—значить, я человѣкъ рѣшенный; въ головѣ у меня, Степа, сущій кавардакъ, вотъ какъ любовь можетъ изъѣсть человѣка, а ты говоришь—пустяки.

Онъ всталъ, оправился, потолкался по палисаднику, затѣмъ, махнувъ рукой рѣшительно и какъ бы безнадежно, ушелъ по улицѣ, внизъ туда, гдѣ на обрывѣ стояла Проськина хата.

Учитель же медленно перевелъ глаза съ тускнѣющаго заката на тощую, уходящую фигуру псаломщика, подумалъ, что у друга, у Ильи Ильича, непріятныя, точно собачьи, голенастыя ноги. Послѣ этого сталъ глядѣть на то, какъ изъ болотъ въ деревню, пыля и крича, поднялось стадо, и на то, какъ надъ хатами кое-гдѣ засигѣлъ въ сумеркахъ дымокъ, и на то, какъ прилетаютъ съ полей на покой грачи, какъ черезъ улицу прошла баба съ ведрами, и вдругъ сообразилъ, что вся эта тишина, такая обычная и знакомая, необыкновенно страшна сейчасъ, неестественна, точно сонъ, точно всѣ вдругъ ослѣпли, не ви-

дять, не слышать, не чувствуютъ, что этотъ жуткій покой— передъ концомъ, что, быть-можетъ, завтра, нынче ночью придутъ *ты*.

Учитель взявъ картузь, спустился съ крыльца, оглядѣлся и пошелъ на холмы, къ лѣсу, въ мѣста обычныхъ прогулокъ по вечерамъ. Сейчасъ онъ чувствовалъ, что изъ всей деревни онъ одинъ понимаетъ опасность и долженъ узнать что-то, увидѣть кого-то, предупредить.

Началось это смутное предчувствіе опасности вчера въ полдень; черезъ деревню на рысяхъ проѣхалъ всадникъ въ формѣ казачьяго офицера; минуя школу, онъ обернулся на окно, встрѣтился глазами съ учителемъ и усмѣхнулся недобро и криво; онъ былъ смуглый, тонкій, съ закрученными усиками; подъ фуражкой на вискѣ была надѣта у него черная повязка.

Спустя немного учитель увидѣлъ его остановившимъ лошадей вдаль, на высокомъ бугрѣ; онъ поднялъ обѣ руки къ лицу, точно глядѣлъ въ бинокль; затѣмъ ударилъ коня плетью и скрылся. Офицеръ былъ казачій, конечно, ѣхалъ по своему дѣлу, но все же учитель не могъ забыть его усмѣшки; она тревожила его весь день; сейчасъ же, съ трудомъ поднимаясь по жнивью въ гору, онъ ясно понялъ, что такъ улыбаться могъ только человекъ со злыми мыслями, быть-можетъ, переодѣтый австрійскій развѣдчикъ.

На холмахъ росли вѣковые сосны, дальше начинался густой лѣсъ, залегавшій вплоть до Томашова. Было совсѣмъ сумеречно; мѣсяцъ только-что поднялся, но не свѣтилъ, красноватый и холодный; негромко и глухо шумѣли сосны.

Учитель остановился, снялъ шляпу, вытеръ лобъ и обернулся внизъ къ деревнѣ, закутанной сейчасъ тонкимъ туманомъ болотъ; тамъ кое-гдѣ въ окна горѣлъ огонекъ.

«Ну, если даже и придутъ къ намъ,—подумалъ учитель,—не станутъ же они грабить хаты, обижать женщинъ,—люди, все-таки. Опасности нѣтъ никакой, если смирно сидѣть. А все-таки... Все-таки нельзя, чтобы они driшли».

Опустивъ голову, онъ медленно шель къ лѣсу. Вдругъ впереди раздался короткій трескъ, точно быстро хрустнула вѣтка. Учитель вскинулъ голову, сталь, вглядываясь. Затѣмъ долетѣлъ негромкій, но безнадежный, томительный невыносимо крикъ «а-а-а». Спустя немного, вдоль опушки заскользили тѣни, слышался топотъ: отдѣляясь отъ лѣса, тѣни вылетѣли на минуту на пригорокъ, оказались пятью нагнувшимися всадниками; они свернули внизъ, исчезли въ темнотѣ лощины, внезапно полнымъ ходомъ, съ пиками за плечами, промчались внизу, у ногъ учителя, и скрылись опять по дорогѣ въ деревню. По лошадямъ, по посадкѣ онъ узналъ казаковъ.

Сердце у него такъ билось, что онъ долго махалъ на себя картузомъ, затѣмъ, не думая, а только потому, что давеча такъ хотѣлъ, продолжалъ итти къ лѣсу; достигнувъ же его, понялъ, что ему невыносимо страшно и любопытно узнать, что произошло.

Но здѣсь, подъ кленами, въ орѣховыхъ кустахъ, было такъ темно, что онъ остановился, прислушиваясь. Совсѣмъ рядомъ фыркнула лошадь, затрещали сучья. Учитель уронилъ картузь, попытлся но налетѣлъ на дерево. Лошадь опять фыркнула еще опасливѣе, а невдалекѣ зашуршало, захрустѣло по лѣсу, точно отъ множества ногъ. Учитель протянулъ руки, двинулся въ сторону отъ кустовъ, гдѣ фыркало, но тотчасъ же нога его ударилась о мягкое и шерстяное. Колѣни сами подогнулись; присѣвъ, онъ передъ самымъ лицомъ своимъ различилъ сѣраго человѣка, лежащаго на боку; одна рука его была вытянута, другая положена на голову, точно разболѣлась голова, и онъ легъ, прикрывъ ее.

— Вотъ оно что: они убили,—сказалъ учитель.—Но ни любопытства уже, ни страха не было у него; то, что онъ съ такимъ волненіемъ предчувствовалъ за эти дни, совершилось,—деревня вошла въ тѣнь войны; убитый же австрійскій солдатъ лежалъ, какъ всѣ мертвые, просто и обыкновенно.

Ощупавъ подъ ногой, учитель поднялъ карабинъ, пошарилъ

по нему пальцами, шелкнулъ затворомъ и пробормоталъ: «Видишь ты, какъ это дѣлается», и покачалъ головой. И все-же, должно-быть, онъ участвовалъ во всемъ этомъ происшествіи лишь небольшою частью своего сознанія; вотъ почему неожиданно для него раздвинулись со всѣхъ сторонъ, вокругъ, орѣховые кусты, высунулись лошадиныя морды, появились необыкновенной высоты, словно туманные, всадники; учитель схватилъ ближайшую морду за узду и замахнулся карабиномъ; но тотчасъ на голову ему обрушился острый, ядовитый ударъ; затѣмъ его схватили за плечи, за воротникъ, поволокли къ опушкѣ; въ головѣ трещало, за ухо текла теплая, обильная струя, и было всего обиднѣе, что не давали переступить ногами, а тащили.

На опушкѣ было ясно отъ луннаго свѣта; всадники, на высокихъ коняхъ, расшитые, въ ментикахъ, въ шапкахъ, гозвякивая, стали вокругъ; они уже не казались огромными, какъ въ мѣсу, но страшно крѣпкими, неумолимыми.

Самый нарядный изъ нихъ, на тонкой лошади не спѣша, высвободилъ изъ кобуры револьверъ, постучалъ имъ сначала по кончику своего носа, затѣмъ навелъ на учителя и сказалъ по-польски:

— Я думаю, панъ не откажетъ мнѣ отвѣтить: въ какомъ направленіи ускакали казаки?

Учитель молчалъ, съ трудомъ соображая; офицеръ продолжалъ:

— Вы, конечно, понимаете, что пойманы на мѣстѣ преступленія; единственная возможность избѣгнуть наказанія—полная откровенность; я спрашиваю васъ—казаки ускакали въ деревню?

Учитель, всматриваясь въ лицо офицера, вдругъ усмѣхнулся; онъ замѣтилъ на его головѣ черную повязку.

— Ничего не видѣлъ, ничего не знаю,—отвѣтилъ онъ, и вдругъ восторгъ, какъ свѣтъ, наполнилъ сердце,—такого восторга онъ никогда не зналъ.

— Въ деревнѣ есть русскія войска?—спросилъ офицеръ отрывисто.

— Да, есть.

— Какія?

— Казаки.

— Сколько?

— Я не считаль,—полна деревня.

— Вы видѣли, кто убилъ дозорнаго солдата?

— Я его убилъ.

«Что, что, поговорилъ, поговорилъ, узналъ, добился, вотъ какъ тебѣ нужно отвѣчать», быстро, восторженно подумаль учитель. Онъ стоялъ теперь одинъ, хотя руки все еще держаль за спиной.

Офицеръ тронулъ лошадь, отъѣхаль, по-нѣмецки сталъ совѣтоваться съ двумя всадниками; шесть гусаръ двинулись налѣво черезъ оврагъ, столько же на рысяхъ вправо, вдоль опушки; остальные 20 спѣшились, вынули карабины; коноводы отвели коней; офицеръ, должно-быть, очень возбужденный, быстро ходилъ, взмахивая на поворотахъ ментикомъ, позвякивая шпорами; затѣмъ онъ сталъ передъ учителемъ и принялся смотрѣть ему въ лицо, затѣмъ только на одинъ носъ...

«Вотъ-вотъ, сейчасъ скажетъ это,—подумаль учитель,—только поскорѣе».

Ему было тошно и голова точно медленно раскалывалась отъ боли. Красивыя губы офицера дрогнули презрительно отъ отвращенія; онъ проговорилъ что-то тихо по-нѣмецки. Учитель быстро закрылъ глаза. Офицеръ отошелъ и скомандоваль отрывисто:

— Повѣситъ!

Въ то же время на краю села, у хаты, на скамейкѣ сидѣли Проська, бабушка и ея горемычная баба-бобылиха. Передъ женщинами стоялъ Илья Ильичъ, распространяя запахъ духовъ вокругъ себя.

Проська молчала, потоптывала башмакомъ; бабушка по-

кряхтывала; бобылиха, Богъ знаетъ откуда получивъ свѣдѣнія, рассказывала про австріяковъ, великихъ ростомъ, несмѣтныхъ числомъ, позвали ихъ будто паны и арендаторы, а позвали оттого, что народъ отъ рукъ отбивается, и какъ австрійцы придутъ, такъ все пожгутъ, скотъ порѣжугъ, ребятъ порѣжугъ, а женщинъ будутъ въ солому обертывать и отсылать въ Галицію.

— Охота вамъ, бобылиха, на ночь пустяки говорить,—молвилъ Илья Ильичъ.—Мы австріяковъ не трогаемъ, и они насъ не тронутъ. Я, напримѣръ, про войну и знать ничего не знаю, а вы только панну Проську напугаете; вотъ бы васъ за это самое въ солому обернуть.

Илья Ильичъ засмѣялся, въ то же время мучительно вглядываясь въ круглое Проськино лицо,—улыбнулась ли она его шуткѣ. Но, опустивъ глаза, молчала дѣвушка, какъ каменная, сидя въ свѣтѣ мѣсяца у бѣлой стѣны.

— Я духи выписалъ, хотите понюхать?—упавшимъ голосомъ проговорилъ Илья Ильичъ и уже приготовилъ платокъ, чтобы сунуть его подъ самый носъ мучительницѣ, но на дорогѣ въ это время послышался быстрый конскій топотъ, изъ-за пригорка вылетѣли пять казаковъ, сдержали коней, рысью подѣхали къ хатѣ и стали.

— Бабы, уходите отсюда, прячьтесь, австріяки идутъ,—сказалъ средній, бородатый казакъ весело; спрыгнулъ съ коня и сталъ подтягивать подпруги, затѣмъ сѣлъ вновь, махнулъ плетью и запустился по улицѣ.

Проська первая вскочила съ лавки:

— Бабушка!—крикнула она.—Идите скорѣе на погребницу. Да Митинька-то нашъ гдѣ?

— А онъ спитъ,—проговорила бабушка, тряся головой.

Бобылиха заголосила было, потомъ закрыла ротъ ладонью. Оставшіеся четыре казака засмѣялись: «Уходите, уходите скорѣе, бабы,—сказалъ одинъ.—Мы тутъ сейчасъ стрѣлять начнемъ.

Проська, бабушка, бобылиха кинулись въ ворота. Илья Ильичъ только тогда опомнился.

— Панна Проська,—закричалъ онъ, толкаясь въ запертыя ворота,—я тоже на погребницу, я съ вами хочу,—потомъ нагнулся къ подворотнѣ и закричалъ: «Панна Проська», но тотъ же казакъ схватилъ его за воротъ, вздернулъ на ноги, сказалъ свирѣпо: «Что ты орешь? Бѣги, такой-сякой, голенастый», и толкнулъ въ плечи. Илья Ильичъ побѣжалъ по темной, спящей улицѣ.

Черезъ часъ съ бугровъ послышалась трескотня. Деревня пробудилась, нѣсколько бабъ заголосило, выбѣжало за ворота, закричали кое-гдѣ ребята, завыла собака, но сейчасъ же все затихло, попряталось. А съ бугровъ щелкали и раскатывались выстрѣлы. Передъ зарей черезъ деревню съ тяжкимъ топотомъ пронеслось множество всадниковъ. Слышали, какъ загудѣла земля подъ ними, и сейчасъ же изъ-за хатъ, отовсюду рѣзко и громко, какъ бичи, захлестали выстрѣлы. И все это, не прекращалось, и насталъ день, и гулко, точно громъ небесный, изда-лека грянулъ первый орудійный выстрѣлъ, за нимъ—другой. Сейчасъ же дрогнула земля и, раздирая уши, заревѣлъ весь воздухъ. Начался знаменитый комаровскій бой.

Илья Ильичъ, прибѣжавъ къ себѣ, затворился, прислушался, взглянулъ подъ кровать, воскликнулъ: «Нѣтъ, тутъ меня найдутъ!» Наскоро началъ совать въ карманы перочинный ножикъ, папиросы, зеркальце и прочую дрянь, затѣмъ распахнулъ окно, выпрыгнулъ въ палисадникъ, но въ это какъ-разъ время началась стрѣльба съ горъ, и Илья Ильичъ, потерявъ шапку, побѣжалъ на зады, гдѣ и залѣзъ подъ плоскій мосточекъ, перекинутый черезъ высохшую канаву. Здѣсь онъ пролежалъ пичкомъ три дня. На четвертый все затихло; настала такая тишина, что Илья Ильичъ подумалъ въ своемъ полубреду, полуснѣ, что не померъ ли онъ самъ. Затѣмъ небольшой просвѣтъ передъ его лицомъ между мосточкомъ и канавой заслонила собачья голова. Фыркающая и скалящаяся, собака съ рычаньемъ начала рыться

лапами. Илья Ильичъ долго глядѣлъ ей въ глаза, потомъ прошепталъ: «Пошла!». Собака оцетинилась и скрылась. Онъ же только къ вечеру едва-едва со стопами и молитвой выбрался изъ-подъ мосточка. На томъ мѣстѣ, гдѣ была деревня, торчали теперь голыя, высокія трубы, обуглившіяся деревья, лежалъ кучами мусоръ. И ни человѣка, ни скотины, ни птицы не увидѣлъ Илья Ильичъ.

— Окаянные!—сказалъ онъ.—Что же это въ самомъ дѣлѣ такое?
